

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

М. Званцев. *Народная резьба*. По материалам Горьковской области. Горький, 1957, 88 стр.—С. К. Жегалова. *Русская деревянная резьба XIX в. Украшения крестьянских изб Верхнего Поволжья*. Труды Государственного исторического музея, вып. XXVIII, М., 1957, 62 стр. + 24 таблицы иллюстраций.

Рельефная архитектурная резьба Поволжья — интереснейший памятник русского народного искусства — всегда привлекала внимание архитекторов, искусствоведов, этнографов, музееведов. Вот почему вышедшие почти одновременно две новые работы, посвященные исследованию резных украшений поволжских изб XIX в., вызывают заслуженный интерес.

В работе М. П. Званцева исследуются резные украшения крестьянских изб Горьковской области¹; работа С. К. Жегаловой посвящена в основном анализу резных досок поволжских изб, хранящихся в коллекциях Государственного исторического музея (ГИМ), вывезенных преимущественно из б. Владимирской и отчасти из Нижегородской губерний. Для обоснования своих научных выводов С. К. Жегалова привлекает также материалы экспедиций ГИМ в Верхнее Поволжье.

Обе работы, затрагивающие один и тот же объект, написаны на основании разных источников, благодаря чему одна как бы дополняет другую. В них содержится тщательный анализ уникальных памятников народного искусства, исследуются причины появления на крестьянских избах Поволжья замечательной по своим художественным достоинствам рельефной резьбы по дереву. Однако в обеих работах есть немало недочетов, которые необходимо отметить.

Работа М. П. Званцева состоит из введения, двух больших разделов: «Бытовая резьба», «Архитектурная резьба» и примечаний. В разделе «Бытовая резьба» автор характеризует плоскую резьбу по дереву, которой украшались в крестьянском хозяйстве различные предметы домашнего обихода — орудия прядения и ткачества, пряничные доски, средства передвижения. Хорошо описывает автор технику исполнения, композицию рисунков плоской резьбы на уникальных памятниках крестьянского быта, хранящихся в собраниях Горьковского краеведческого музея.

В принципе правильно решая происхождение резных узоров на пряничных досках, Званцев при исследовании рисунков на прялках и рубелях увлекается чрезмерной символизацией простейших орнаментальных мотивов. В правдоподобных и жизненных рисунках сцен охоты, езды в экипаже, гуляний, в изображении птиц, зверей, простейших кругов автор видит отголоски древней символики: образы богини плодородия, изображения водной и воздушной стихий, солнца, влекомой по небу солнечной колесницы и т. д. Между тем процесс создания узоров в крестьянском искусстве был необычайно сложен, и его орнаментальные мотивы нельзя сводить только к отголоскам древних языческих верований и народных обрядов.

В разделе «Архитектурная резьба» основное внимание уделяется исследованию рельефной глухой резьбы. Но прежде чем перейти к детальному анализу рельефной резьбы в различных районах Горьковской области, автор характеризует декоративное оформление крестьянских изб в период, предшествовавший появлению рельефной резьбы. Затем он решает вопрос о времени возникновения рельефной резьбы в Поволжье и исследует постепенное развитие и совершенствование ее форм.

¹ Исследованием резьбы по дереву в Горьковской области М. П. Званцев начал заниматься с 1925 г. В 1935 г. выходит его первая книга «Домовая резьба» (изд. Академии архитектуры, М., 1935), в которой он описывает и исследует рельефную домовую резьбу Поволжья. Рецензируемая работа М. П. Званцева явилась результатом дальнейшего более углубленного и расширенного исследования данной темы, сделанного им в последующие годы.

Правильен вывод М. П. Званцева о том, что глухая резьба на избах Нижегородской губернии распространяется только в XIX в. и что ранее в Поволжских губерниях, как и в других районах средней полосы России, избы украшались плоской резьбой с преобладанием геометрического орнамента в виде расчлененного круга и его элементов. Сохранившиеся в Горьковской области старинные избы убеждают нас в неоспоримости этих доказательств. К тем же выводам пришли ранее и сотрудники Верхневолжской экспедиции Института истории искусств и Института этнографии АН СССР, работавшей в 1950 г. в Костромской, Ивановской и Горьковской областях².

Не совсем, однако, убедительна аргументация Званцева о принадлежности ряда исследуемых им построек к XVIII в. Известно, что самцовая конструкция крыши и барочный тип наличника (стр. 25) нередко устраивались в жилищах начала и даже середины XIX в.; поэтому такие детали сами по себе не могут служить подтверждением постройки изучаемых домов именно в XVIII в.

Детальное исследование автором особенностей архитектурной рельефной резьбы в отдельных районах Горьковской области представляет большой интерес. Досадно только, что форма изложения этого раздела не всегда удовлетворительна: характеристика деталей резных украшений изложена иногда не вполне логично, в результате чего у читателя не складывается ясного и полного представления о резных украшениях изб тех или иных районов в разные годы XIX в. В описании нет четкости при переходах от одного параграфа к другому.

Большое место в работе М. П. Званцева уделено исследованию проблемы происхождения рельефной поволжской резьбы. Умело и интересно аргументируя свои выводы о связи рельефной домовой резьбы с резной декорацией волжских судов, автор приводит ценные сведения об истории развития волжского судостроения, о плотниках-судостроителях, нередко уходивших на приработки в деревню. Появление глухой резьбы на волжских судах автор относит к последней четверти XVIII в. и отрицает какую-либо преемственную связь между резьбой волжских судов этого времени и резной декоративной отделкой речных судов XVI и XVII вв. С последним утверждением Званцева трудно согласиться. По описаниям различных документов XVI—XVII вв. и сохранившимся в музеях памятникам резьбы старинных судов мы знаем, что в резном орнаменте этих судов, так же как и в узорах волжской рельефной резьбы конца XVIII—XIX вв., прослеживается целый ряд сходных черт³.

Вызывает также сомнение высказывание автора о том, что появление резьбы на волжских судах в конце XVIII в. было связано с удешевлением судового строительства при распространении продольной пилы. Дело в том, что резьба высокого рельефа как на волжских судах, так и на деревенских избах продолжительное время исполнялась на толстых плахах, отесанных топором, а не на сделанных при помощи пилы досках.

Автор несколько односторонне рассматривает происхождение мотивов рельефной поволжской резьбы, ища ее непосредственные прототипы в классических образцах архитектуры.

Непосредственное влияние на орнаментику волжских судов, так же как и на украшение крестьянских изб, оказывало многовековое богатство русской орнаментальной культуры в самых различных ее проявлениях — будь то церковная, архитектурная или бытовая резьба по дереву, роспись разнообразных предметов домашнего обихода, интерьеров, внешних фасадов зданий, орнаментация старинных книг, одежды, различной утвари и т. д. Здесь несомненно влияние искусства русских мастеров Оружейной палаты, резчиков которой не раз направляли на судостроительные верфи, наряду с проявлением самобытного творчества талантливых нижегородских мастеров-строителей.

В заключение М. П. Званцев показывает изменение форм резных украшений нижегородских построек в конце XIX — начале XX в. и коротко характеризует декоративное оформление сельских построек в наши дни. Однако, как указывает сам автор, изучение новых типов украшений — прорези и выпиловки — проделано им пока только предварительно. Углубленное исследование современных резных украшений жилых домов колхозной деревни является, по справедливому замечанию Званцева, задачей будущих исследователей народного искусства Горьковской области.

Рецензируемая работа С. К. Жегаловой состоит из введения и пяти глав. К работе приложены «Каталог образцов архитектурной резьбы Поволжья. Собрания ГИМ» и 24 таблицы иллюстраций.

Во введении автор говорит об истории создания и научной интерпретации исследуемой им коллекции ГИМ, а также дает краткую характеристику этнографии, относящейся к изучению рельефной резьбы Поволжья. В первой главе — «Краткая характеристика экономики районов распространения судовой резьбы» — автор, на основании тщательного анализа экономического положения крестьянских хозяйств Верхнего Поволжья в XIX в., решает ряд важных вопросов о причинах зарождения в Поволжье исследуемого типа архитектурных украшений. Детальное изучение процессов, обусловивших появление в Поволжье нового типа домовой резьбы, делает эту главу интересным и ценным исследованием. Во второй главе — «Типы поселений и жилищ

² См. мою кандидатскую диссертацию «Русское народное жилище Верхнего Поволжья», М., 1952, стр. 311—312 (Архив Ин-та этнографии АН СССР).

³ Описание резной орнаментики речных судов см. в работе Н. Н. Соболева «Русская народная резьба по дереву», М., 1934, стр. 368—372.

Верхнего Поволжья» — дается краткая характеристика основных типов селений и жилых построек, распространенных в XIX в. в Поволжье. Здесь показаны внешний облик, планировка, внутреннее устройство жилища, отмечена связь общих габаритов постройки и качество ее внешней и внутренней отделки с социальным положением домовладельца.

Однако в этой главе допущен ряд неясностей и ошибок. Например, положение постройки узким торцовым фасадом к улице автор квалифицирует как «своеобразие расположения построек Верхнего Поволжья» (стр. 17). Но подобное расположение жилища было широко распространено во всех средневеликорусских и северных губерниях России и не является особенностью жилища Верхнего Поволжья. Двор в этих постройках большей частью пристраивался сбоку дома и не всегда отступал в глубину от линии торцового фасада дома, как это утверждает автор на стр. 17.

Неправильно его заключение и на стр. 20: «Одновременно с постройками из двух отдельных срубов в Верхнем Поволжье начинают распространяться пятистенки». Постройки из двух отдельных срубов, соединенных сенями (т. е. «трехкамерные», или «трехраздельные», как принято называть их в этнографической литературе), широко бытовали в Среднем Поволжье уже в начале XIX в., тогда как пятистенки распространяются там главным образом только во второй половине XIX в. (хотя появление их относится к более раннему периоду).

Нет оснований также квалифицировать постройки, различающиеся между собой размерами и числом жилых помещений (двухкамерные, трехкамерные, пятистенные), как различные типы жилища. Термин «тип жилища» является более широким понятием и включает характеристику отдельных построек по ряду общих важнейших признаков: по материалу, форме и покрытию крыши, высоте постройки, внутреннему плану, способу соединения дома и двора и т. д. Двухкамерная и трехкамерная планировка не отражает всей сложности жилища, она обычно была связана с социальным положением домовладельца, и часто оба эти вида планировки бытовали в одних и тех же районах. По числу помещений в доме и их расположению могут быть выделены типы планировки жилища, а не типы жилища в целом.

В главе «Судовая резьба на крестьянских постройках и ее история» говорится о характере орнаментальных узоров судовой резьбы, технике ее исполнения и мастерах — создателях этого вида русского народного искусства. Здесь убедительно доказывается связь и общность сюжетов домового резьбы с резьбой волжских судов, многочисленные образцы которой хранятся в собраниях ГИМ в виде вещественных памятников и зарисовок художников. Устанавливая древность большинства сюжетов судовой резьбы, автор приводит интересные материалы, собранные еще в 1927 г. научным сотрудником музея С. К. Просвириной, которые свидетельствуют о непосредственном заимствовании волжскими резчиками сюжетов из древних рукописей, бывших в большом ходу в среде старообрядцев. Этот факт не дает возможности полностью решить вопрос об истоках рельефной резьбы, но сам по себе очень интересен.

Глава «Разновидности судовой резьбы, районы и время ее распространения» посвящена исследованию коллекции резных досок ГИМ. Анализируя доски рельефной резьбы, которые делятся Жегаловой на три большие группы, автор приходит к выводу, что первоначально глухая резьба распространилась в северных районах Верхнего Поволжья (Владимирская губ.) и позже, во второй половине XIX в., — в районах южнее Нижнего Новгорода. Расцвет данного типа резьбы в Верхнем Поволжье, по мнению автора, падает на 1830—1850-е годы, а лучшие ее образцы были распространены в б. Владимирской губернии. Что касается характеристики судовой резьбы в «южных районах Верхнего Поволжья», то автор пишет: «Сухость и четкость резьбы южных районов Поволжья, отсутствие в ней размаха и оригинальности заставляют предположить, что здешние резчики копировали старые владимирские образцы» (стр. 33).

С большинством выводов данной главы согласиться трудно. Во-первых, расцвет резьбы во многих районах бывшей Нижегородской губернии относится не только к 1850-м, но и к 1860—1880-м годам. Во-вторых, утверждение автора о снижении художественных достоинств судовой резьбы южных районов Верхнего Поволжья не соответствует действительности. Нельзя делать такой вывод только на основании коллекции резных досок ГИМ, так как в этой коллекции больше всего хранится образцов из Владимирской губернии. Кроме того, исследования М. П. Званцева на территории бывшей Нижегородской губернии, а также материалы научного архива Института этнографии АН СССР свидетельствуют о высокой художественной ценности и оригинальности резных украшений крестьянских построек южных районов Верхнего Поволжья. Нам известно немало талантливых нижегородских резчиков (С. Д. Удалов, М. Малышев и др.), работы которых поражают своей самобытностью, талантливостью и опровергают высказанное С. К. Жегаловой предположение, будто нижегородские резчики механически копировали рисунки старых владимирских мастеров.

В главе «Виды деталей резных украшений дома» описываются резные украшения отдельных внешних деталей поволжского жилища, хранящихся в собраниях ГИМ: причелин, подкрыльев, фронтовых и карнизных досок, наличников светличных и фасадных окон, торцовых досок дворовых ворот, а также предметов утвари и внутренней обстановки. В этой главе хорошо систематизированы интересные материалы по рельефной резьбе из собраний ГИМ, ярко демонстрирующие высокое мастерство народных резчиков Поволжья.

Основные замечания по этой главе сводятся к следующему. Трудно предположить, что парные коньки, венчающие кровли крестьянских изб Верхнего Поволжья, являются видоизменением одинарных коньков, завершающих комель охлупня (стр. 38). Украшение кровли парными коньками, по всей вероятности, было известно уже очень давно. Парные коньки были распространены у русских локально, преимущественно в районах Верхнего Поволжья (б. Ярославская, Костромская, отчасти Нижегородская губ.). На большей части территории, заселенной русскими, украшался коньком конец охлупня, а парные коньки не были известны⁴. Пока еще не удалось выяснить причину такого ограниченного распространения архитектурных парных коньков на русских жилищах и установить время их появления. Для решения этого вопроса требуются дополнительные археологические и письменные источники.

В этой главе, как и в предыдущей, сказалось чрезмерное увлечение автора резьбой более северных поволжских районов и стремление представить судовую резьбу южных районов как заимствование более высокого мастерства резчиков северных поволжских районов. Особенно сильно эта тенденция проявилась при описании резных украшений наличников окон (стр. 44, 47).

Большую ценность и интерес для исследователей народного искусства резьбы представляют опубликованные в конце работы «Каталог архитектурной резьбы Поволжья» и таблицы иллюстраций.

В целом обе рецензируемые работы содержат ценный материал по рельефной судовой резьбе Верхнего Поволжья и окажут большую помощь при исследовании сложных, окончательно еще не разработанных вопросов генезиса и развития этого своеобразного вида русского народного искусства.

Л. Н. Чижилова

НОВЫЕ АНТОЛОГИИ БЫЛИН *

Сборниками былин, вышедшими в свет в самом конце 1957 г., составители и издательства ответили на давно ощущавшуюся потребность в большой антологии былин, которая знакомила бы широкие круги читателей с основным сюжетным составом русского былинного эпоса¹.

Первый из рецензируемых сборников составлен с явной ориентацией в первую очередь на студентов филологических факультетов. Он отличается большой полнотой охвата материала. В сборник, помимо почти всех основных сюжетов собственно богатырских былин, включено еще несколько более поздних эпических произведений, представляющих собой переложение в былинную форму сказок, местных преданий и литературных повестей, а также образцы произведений, отчасти примыкающих к былинам, — близкие к ним баллады и так называемые «шутовые старины»; в приложении даны два текста донских былинных песен. Кроме того, в отдельных случаях сюжет дается в двух разных вариантах или версиях. Таким образом, сборник включает богатый материал для довольно основательного знакомства с эпосом.

Качество всякой антологии зависит от умелого подбора текстов былин, которые должны, во-первых, явиться лучшими в идейно-художественном отношении, во-вторых, — показательными для общего характера эпоса и путей его развития. И с той, и с другой стороны сборник в целом заслуживает положительной оценки, хотя некоторые отдельные упущения имеются. Бросается в глаза отсутствие былины «Королевици из Крякова», получившей высокохудожественную обработку в творчестве сказителей Рябиных, и былины «Роман и Марья Юрьевна». В антологии с широким охватом материала эти две былины, связанные с историческими переживаниями эпохи татарских нашествий, думается, должны были иметь место. Нет и таких характерных для процесса развития эпоса былин более позднего слоя, как «Идолице сватается за

⁴ Подобные парные коньки были распространены также в Белоруссии, Прибалтике и на территории Восточной и Западной Европы: в Венгрии, на юго-западе Чехии, в Хорватии, Польше, Швеции, Норвегии, Германии, Швейцарии, Голландии.

* «Былины». Вступительная статья, подбор текстов и примечания П. Д. Ухова. Под общей редакцией проф. В. И. Чичерова. Изд-во Московского университета, 1957, 515 стр.; «Былины». Вступительная статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. «Библиотека поэта». Большая серия. Изд. 2-е, «Советский писатель», Л., 1957, 485 стр.

¹ Последняя такого рода антология — Н. П. Андреева «Былины. Русский героический эпос», — изданная в большой серии «Библиотеки поэта» (1938), давно раскуплена и встречается далеко не во всех библиотеках; кроме того, вступительная статья к ней, охватившая в сжатой форме основные вопросы изучения былин и в свое время сыгравшая весьма положительную роль, сейчас в некоторых своих частях устарела.